

Содержание

Расколдовывание России:

предисловие ко второму изданию 5

Предисловие.

Как я попал в ловушку 9

Интерлюдия 1.

Парадокс Бартоломео Коллеони 22

Глава 1.

Как армия «съела» Россию 26

Интерлюдия 2.

Загадочное преображение святого Франциска 133

Глава 2.

Христианство и «русский бог» 137

Интерлюдия 3.

Тайна одинокого замка 251

Глава 3.

Взросление Левиафана 255

Интерлюдия 4.

«Иконостас разума» и «иконостас радости» 400

Глава 4.

Несовременная модернизация 404

Интерлюдия 5.

Между страхом и ужасом 519

Заключение.

Пастораль Нового времени 523

Библиография 529

Примечания 579

Расколдовывание России: предисловие ко второму изданию

Именно то, что удивит вас в этой книге и, пожалуй, даже вызовет поначалу решительное несогласие, является в ней самым главным. Именно ради этого я писал обе книги серии «Почему Россия отстала?» и сейчас завершаю третью. Именно это позволяет пересмотреть ряд привычных представлений о том месте, которое наша страна занимала на протяжении веков среди европейских народов.

Читая книги серии «Почему Россия отстала?», вы быстро обнаружите, что по объему привлеченного историко-социологического материала рассказ о других странах формально занимает даже больше места, чем повествование о нашей стране. Возможно, вы подумаете, что ошиблись с выбором книги, поскольку она расскажет вам не о том, о чем вы хотели бы узнать. Но весь мой многолетний опыт изучения проблем модернизации и отсталости показывает, что наши знания об успешных странах насквозь пронизаны разными мифами, и потому, сравнивая себя с ними, мы сравниваем более-менее адекватно представляемую Россию не с реальными западными соседями, а с вымышленными. Неудивительно, что из такого подхода вытекают существенные ошибки в понимании проблемы отсталости. Кто-то рвет на себе волосы, сильно преувеличивая ее масштабы и полагая,

будто бы мы отстали навсегда. А кто-то, напротив, не желает видеть наших проблем и тем самым лишает себя возможности конструктивно размышлять над способами их разрешения. Кто-то представляет себе Россию эдакой Бабой-ягой, готовой сожрать любого добра молодца, не успевшего сбежать в эмиграцию от ее курьих ножек. А кто-то, напротив, видит нашу страну Спящей красавицей, которая вот-вот проснется, встрепенется, подкрасится косметикой отечественного производства, и сразу миру станет ясно, кто на свете всех милее, всех румяней и белее. Я предлагаю отказаться от этих крайностей и вообще от идеологизации вопроса об отсталости. Я предлагаю оставаться в рамках науки — исторической социологии — и сравнивать разные европейские страны, включая Россию. Я предлагаю на время чтения книги расстаться с эмоциональными переживаниями, связанными с тем, что речь идет о нашей стране, и взглянуть на анализируемый материал холодным взглядом.

Книги серии «Почему Россия отстала?» построены следующим образом. Я стремлюсь проанализировать положение дел в Европе, рассматривая ее как нечто целое, как систему, в которой отдельные страны взаимодействуют между собой, реагируя на вызовы соседей и, в свою очередь, угрожая им тогда, когда удастся добиться определенных экономических и военных преимуществ. Лишь заложив такую основу, автор может двигаться дальше — к осмыслению развития России, а также других европейских государств, которые для нас очень важны, поскольку осмысление особенностей их исторических путей лучше помогает осмыслить наш многовековой путь. Сразу прошу читателя понять, что подобный методологический подход является для меня единственно возможным. Широкий европейский фон — это вовсе не отвлечение от главной темы исследования, не затянувшееся введение в нее, не уход

в сторону и тем более не самоуверенная попытка продемонстрировать читателю эрудицию автора. Это абсолютно необходимый в данном случае способ расколдовать, демифологизировать Европу, понять, какой она была на самом деле, а не в популярных массовых фантазиях. И, соответственно, это способ понять, чем Россия отличалась, а чем походила на другие европейские страны.

Некоторые мои оппоненты, удивившись тому, какой большой объем материала в книгах этого цикла посвящен исследованию европейского фона, а не России в узком смысле, называют структуру материала перекошенной. Так поступает, например, профессор, кандидат экономических наук Андрей Павлович Заостровцев¹. С подобной оценкой столь же трудно согласиться, как, скажем, с требованием к врачу при лечении болей в конечностях изучать прежде всего ноги и руки, уделяя минимум внимания системе кровообращения, нервной системе, пищеварению. Организм представляет собой целостную систему, так же как система европейских государств. Без понимания того, что представляет собой эта система, без отказа от мифов в пользу осмысления реальных исторических фактов мы подвергаемся опасности сильно исказить понимание каждой страны и, в частности, России.

Приятно, что другие рецензенты четко выделили именно те моменты, которые имели для меня в работе над серией книг «Почему Россия отстала?» принципиальное значение. Профессор, доктор исторических наук Борис Николаевич Миرونوف отметил даже, что «на русском языке нет равноценного труда — с таким обстоятельным и подробным анализом проблемы экономического роста России на фоне развития западноевропейских стран в Средние века и в начале Нового времени»². Кандидат филологических наук Николай Николаевич

Подосокорский написал: «Надо отдать должное автору, что сопоставления России с Западом в его книге далеко не всегда говорят в пользу последнего»³. А кандидат исторических наук Павел Валентинович Крылов подчеркнул: «...предложенная Д. Я. Травиным трактовка подкупает тем, что в ней нет никакой метафизики, да и сам образ отставания лишен каких бы то ни было идеологических и ценностных характеристик»⁴. Следуя за этим вдумчивым рецензентом, я прошу своих читателей не искать в моих книгах никакой метафизики, а пройти именно тем путем, который в них предлагается.

Дмитрий Травин

Август, 2025

Предисловие.

Как я попал в ловушку

Вообще-то, в научных книгах автор должен, согласно сложившейся традиции, демонстрировать некоторую отстраненность от материала, но в данном случае я решил сделать исключение, поскольку лучшего разъяснения сути поставленной проблемы, чем ссылка на личный жизненный опыт, мне не найти. Дело в том, что я сам попал в ловушку, аналогичную той, о которой пишу применительно к российской модернизации. И хотя все аналогии, конечно, условны, думается, мне не удалось бы в полной мере осмыслить то, о чем пойдет речь в этой книге, если бы я лично не столкнулся с проблемой, о которой сейчас скажу.

Более тридцати лет назад (в 1991 г.) я оказался на распутье. Окончив экономический факультет Ленинградского государственного университета, поработав некоторое время преподавателем в небольшом вузе и защитив кандидатскую диссертацию, я обнаружил, что жизнь нашей страны радикально меняется и для меня, в частности, появляются принципиально новые возможности. Близилось время гайдаровских преобразований, и перед моим взором, прямо как на известной картине Виктора Васнецова, простерлись разные дороги. Первая — стать чиновником и заниматься реформами экономики. Вторая — остаться вузовским преподавателем и ничего в привычном образе жизни не менять. Третья — уйти в публицистику, чтобы

объяснять суть реформ значительно более широкому кругу людей, чем группа студентов.

Рациональная оценка ситуации подсказывала, что выбирать надо, конечно, третий путь. Во-первых, спрос на знания о реформах в России тогда был огромный: журналисты плохо понимали суть рынка и пресса нуждалась в носителях специальных знаний. Во-вторых, у меня неплохо получалось писать популярные статьи по экономике. В-третьих, это дело вполне соответствовало моим личным склонностям. В-четвертых, работа чиновника этим склонностям совершенно не соответствовала. В-пятых, труд газетного обозревателя оставлял много свободного времени для чтения и занятия наукой, хотя формально я из науки уходил. В-шестых, публицистика тогда нормально оплачивалась, хоть и не сулила столь радужных перспектив, как уход во власть, который выбрали многие мои друзья.

И вот я почти на два десятилетия стал обозревателем: сначала экономическим, а потом и политическим. Это было прекрасное время в творческом отношении. Будь у меня возможность вернуться в прошлое и вновь делать выбор, я поступил бы точно так же. В «эпоху публицистики» мне удалось написать не только много статей, за которые меня благодарили читатели, но и основную научную книгу «Европейская модернизация»¹. Проблемы же пришли ко мне не «изнутри», а извне. Жизнь страны изменилась, и то, что представляло рациональным выбором в начале девяностых, перестало так выглядеть в конце нулевых.

Сначала закончились реформы: наверху сочли, что без них спокойнее. Потом в России исчезла политическая жизнь: точнее, она стала кулуарной, и газетному аналитику все чаще надо было в своей работе что-то додумывать, а не опираться

на точные факты. Писать о «текучке» в таких условиях становилось все менее интересно. Одновременно падал интерес читателей к анализу происходивших в России событий и интерес спонсоров — к финансовой поддержке прессы. В конце нулевых годов еще не было жестких запретов на серьезную аналитику, однако тот смысл, который меня привел к ней в начале девяностых, стал исчезать. Рухнула из-за отсутствия средств газета, которой я отдал несколько лет жизни. И впереди замаячила перспектива писать за гроши поверхностные тексты, которые по большому счету несильно нужны ни мне, ни моим читателям.

То, что в начале девяностых представлялось мне вполне рациональным, оказалось таковым лишь в среднесрочной, но не в долгосрочной перспективе. Я не могу обвинить себя в неправильной оценке этих перспектив, но, как бы то ни было, реальность оказалась иной, и на это следовало трезво прореагировать. Стало ясно, что надо вновь менять жизненный путь, и тогда я пришел в Центр исследований модернизации (М-центр) Европейского университета в Санкт-Петербурге (хотя продолжал какое-то время совмещать научную работу с публицистикой). Казалось бы, все в моей жизни вновь складывается хорошо. Университет прекрасный. Свобода творчества неограниченная. Условия для работы оптимальные. Но если встаешь на новый путь, когда тебе уже под пятьдесят, невозможно начать жизнь с чистого листа. Трудолюбивый «научный муравей» вполне мог бы сказать мне, как человеку, долгое время писавшему популярные статьи на злобу дня: «Ты все пела? Это дело. Так пойдешь же попляши!»

Пока я занимался публицистикой, многие мои друзья успели отучиться, защититься и даже поработать за рубежом.

Лучшие из них вполне вошли в современную западную науку, став известными и уважаемыми коллегами в глазах зарубежных ученых. Они публиковались в наиболее престижных журналах и имели хорошую цитируемость, что стало за время моего «ухода из науки» считаться главным критерием научности.

«Уход из науки» почти на два десятилетия не сделал, надеюсь, меня худшим специалистом в избранной для исследований области, поскольку я никогда, в сущности, не уходил от научной работы, вкладывая в нее даже больше времени и сил, чем некоторые замученные бюрократическими требованиями преподаватели. Однако по ряду формальных критериев для меня сложилась в науке не слишком благоприятная ситуация. Тот жизненный путь, который я выбрал более тридцати лет назад, завел в тупик, и даже бывшие мои престижные премии в нынешней ситуации ничего не значат. А тех «знаков отличия», которые нынче ценятся, у меня маловато. Поэтому некоторые коллеги, следящие в первую очередь за «знаками», весьма прохладно приняли меня в своем «цеху». Для них я оставался скорее публицистом, чем научным работником вне зависимости от того, какие книги пишу сегодня.

Подчеркиваю, речь шла не о критике моих работ, а, скорее, о вызванном формальными обстоятельствами пониженном интересе к ним в кругу коллег. Это, конечно, не было катастрофой. Есть много коллег, с интересом читающих мои книги и обсуждающих мою работу по существу (причем, к счастью для меня, те ученые, которых я особенно ценю, находятся именно в этой группе), но глупо было бы делать вид, что сложившаяся ситуация совсем не огорчает. Проблема есть. По сути дела, тридцать с лишним лет назад я попал в своеобразную

ловушку, которая не мешает сегодня развиваться, но осложняет это развитие целым комплексом обстоятельств. Суть ловушки в том, что, размышляя вполне рационально, но не имея возможности предвидеть будущее развитие страны, я выбрал такой жизненный путь, с которого пришлось затем сходить, не имея уже возможности наверстать упущенное.

Теперь напомним, зачем я все это рассказываю. Не для того, чтобы пожаловаться, а для того, чтобы объяснить, чему меня эта история научила в профессиональном плане. В ходе модернизации может возникать ловушка, очень напоминающая историю, которая случилась со мной. В какой-то момент общество оказывается на распутье и выбирает так или иначе тот вариант развития, который представляется ему оптимальным, исходя из вполне рациональной оценки ситуации. Скорее всего, выбор делает элита, а не все общество, но доминирующие группы интересов оказываются им довольны. Порой же выбор варианта развития бывает столь очевиден, что общество даже не замечает имеющихся альтернатив.

Все следуют за обстоятельствами. Все славят великого государя, возглавляющего это движение. Все восхищаются его силой и мудростью. Все благодарят Бога за покровительство. Но никто не знает, к чему лет через двести–триста приведет выбор, основанный на сложившихся обстоятельствах. Точнее, людям кажется, что все будет хорошо, но, поскольку они не обладают информацией о будущем, их оценки могут оказаться ошибочными. Краткосрочный и среднесрочный успех вдруг оборачивается для общества серьезными проблемами в долгосрочной перспективе. А когда сменяется несколько поколений и забываются исходные условия, в которых жили прадеды, новые поколения начинают думать, будто бы те совершили ошибочный выбор: то ли по глупости, то ли по воле

судьбы, то ли по злему умыслу. Такова «ловушка модернизации»^{*}.

Избежать такого рода ошибок в ходе модернизации практически невозможно. Во-первых, из-за того, что сложность нашего мира намного превышает нашу способность к анализу текущей ситуации. А во-вторых, из-за того, что решение сложных краткосрочных задач развития общества даже для лучших государственных деятелей может оказаться важнее решения долгосрочных: им-то ведь требуется выживать здесь и сейчас, а не через двести-триста лет.

В истории большинства стран мира есть такие ловушки². Россия не исключение. Вот о важнейшей ловушке модернизации, в которую наша страна попала, и пойдет далее речь в этой книге. Думаю, если бы я сам на своем жизненном пути не угодил в подобную ловушку, мне было бы значительно труднее оценить сложность и неоднозначность процесса модернизации общества.

Книга «Русская ловушка» является продолжением моих книг «“Особый путь” России: от Достоевского до Кончаловского»³,

^{*} Существует понятие «институциональная ловушка», сходное с понятием «ловушка модернизации». Виктор Полтерович определяет институциональную ловушку как «неэффективную устойчивую норму (неэффективный институт)» [Полтерович 1999: 11]. Хотелось бы, однако, подчеркнуть, что ловушка модернизации возникает, поскольку институт был в свое время вполне эффективным и весьма успешно использовался для решения некоторых проблем, а неэффективным стал лишь в связи с возникновением задач кардинального преобразования общества. Устойчивым же данный институт оказывается потому, что, несмотря на возникшую со временем неэффективность, он выгоден для определенных групп интересов и они стоят на страже сложившихся норм. Если институциональные ловушки, описываемые Полтеровичем (бартер, неплатежи, уклонение от налогов, коррупция, самореализующиеся пессимистические ожидания), проявляются на протяжении нескольких лет [там же: 13–19], то ловушки модернизации обнаруживаются через десятилетия или даже столетия.

«Как государство богатеет... Путеводитель по исторической социологии»⁴ и «Почему Россия отстала?»⁵. В идеале изучение проблемы нашей модернизации следовало бы начать с них. Но не расстраивайтесь, если тех моих работ нет сейчас под рукой. Читайте то, что есть. Просто кое-где вам придется пока поверить автору на слово. В тех книгах подробно обосновываются выводы, на которых я строю сейчас эту работу. Выводы, естественно, будут в «Русской ловушке» повторены, а доказательства опущены. Внимательный читатель сможет к ним обратиться впоследствии, взяв в руки мои предыдущие публикации. Там же он найдет и обоснование некоторых важных методологических положений. Например, того, почему я без всякой русофобии использую термин «отсталость» применительно к нашей стране. А также почему в книгах о проблемах России так много внимания уделено другим странам. И самое главное: с кем, собственно, я «воюю», почему вообще уделяю так много внимания анализу долгого пути наших преобразований. Что же касается книги «Европейская модернизация», то она хоть и давно написана, но посвящена проблемам, вытекающим из того, о чем будет говориться в этой моей работе. В «Европейской модернизации» можно прочесть, в частности, об отмене крепостного права, о том, как фритредерство приходило на смену протекционизму, и о проблемах развития, возникающих в ходе революций Нового времени.

Таким образом, мое видение проблемы российской модернизации излагается в целой серии исследований, которые обдумывались и готовились на протяжении долгого времени. История их написания не менее важна для меня, чем история той «ловушки», о которой говорилось выше, и потому здесь надо о ней кое-что сказать.

Эту книгу я завершаю ровно через тридцать лет после того, как попал на двухмесячную стажировку к профессору Андерсу Ослунду в Стокгольмский институт исследований восточно-европейских экономик (Stockholm Institute of East European Economics). Там для меня открылся новый мир научных исследований, существенно отличавшийся от того мира советского университета, в котором я вырос. Получив доступ к новейшей зарубежной литературе, я написал под руководством Андерса небольшую работу, сводившуюся к сравнительному анализу хода приватизации в разных восточноевропейских странах, включая Россию. Но главным для меня стало другое. С того момента (май–июнь 1993 г.) я стал серьезно размышлять над проблемой реформ в целом и прошел в своем научном развитии три больших этапа. На первом этапе (1993–1999 гг.) я сопоставлял российские реформы с реформами в странах Центральной и Восточной Европы, а также Латинской Америки, пытаясь понять на основе изучения международного опыта, что мы делаем так, а что — не так. Но об опыте Западной Европы задумывался мало. Мне, как и многим россиянам того времени, казалось, будто это — совсем иной мир. Мир, фактически не проходивший модернизации, а (если слегка упростить) успешный изначально. Однако к концу 1990-х гг. на основе внимательного, но несистематического изучения исторической литературы я сделал вывод, что Западная Европа тоже прошла через сложные преобразования, причем главным в этом деле было совсем не то, что преподавали экономистам и историкам в советских университетах с марксистскими программами.

И вот на втором этапе (2000–2007 гг.) я стал досконально изучать европейскую модернизацию как единый длительный процесс, который шел на протяжении долгого времени: примерно с XVIII по XX в. Мне интересно было не просто сравнить

ход текущих реформ в «молодых» рыночных странах, а получить картину относительно законченного процесса в тех «старых» государствах, которые прошли уже через все успешные и провальные этапы модернизации, пережили яркие экономические взлеты и разрушительные революции, сформировали новые поколения людей, не знавших Старого режима, и, наконец, вошли в спокойное состояние так называемого государства всеобщего благосостояния. Итогом этого периода моего интеллектуального развития стали две книги (первая — научная, вторая — научно-публицистическая), написанные вместе с моим коллегой и другом Отаром Маргания: «Европейская модернизация»⁶ и «Модернизация: От Елизаветы Тюдор до Егора Гайдара»⁷.

Третий этап (с 2008 г. по настоящее время) открылся после формирования М-центра, когда я стал размышлять над проблемой модернизации не столько в историко-экономическом, сколько в историко-социологическом ключе. Я хотел не просто описать процесс развития, обращая внимание на успехи и анализируя ошибки, которые были у всех модернизовавшихся стран, а понять, почему происходили перемены. Пытаясь ответить на этот вопрос, я вынужден был уйти еще дальше в историю, поскольку европейские преобразования, начавшиеся в XVIII в., оказались во многом обусловлены предшествующим ходом развития. И самое главное: преобразования экономические, как стало мне ясно тогда, теснейшим образом переплетались с теми реформами, которые шли в политической и военной областях, а хозяйственный быт столь же тесно переплетался с религиозной проблематикой. Поэтому изучать приходилось не только экономику и экономическую политику властей, а общество в целом, обращая особое внимание на разные непреднамеренные последствия человеческих действий. Как

выяснилось, трансформация верований отражалась на экономике, хозяйственное развитие влияло на военную мощь, демонстрация силы одной страны стимулировала реформы у соседей...

В общем, те четыре книги, что я издал за последние годы, стали непосредственным итогом пятнадцатилетней работы в М-центре ЕУСПб, а по большому счету итогом всего моего тридцатилетнего интеллектуального развития, начавшегося весной 1993 г. со стажировки в Стокгольме у Андерса Ослунда. Непосредственно над «Русской ловушкой» я трудился с 2014 г. В основу этой книги легли три доклада^{*}, которые я сильно переработал и дополнил большим объемом нового материала. Если бы не было М-центра, то не было бы и моих книг. Поэтому я хочу выразить благодарность всем его сотрудникам, а в особенности президенту М-центра Отару Маргания и директору Владимиру Гельману. Отар и Владимир всегда поддерживали меня в трудные моменты и настраивали на плодотворную работу. Я многим обязан также Европейскому университету в целом: особенно библиотеке, предоставлявшей нужные материалы, и издательству (Милене Кондратьевой, Дмитрию Козлову, Дмитрию Капитонову), подготовившему к печати мое исследование. И естественно, я благодарен коллегам, согласившимся прочесть рукопись этой книги или отдельные ее главы: Андрею Белых, Владимиру Гельману, Михаилу Давыдову, Василию Жаркову*, Михаилу Крому, Павлу Крылову, Владимиру Лапину, Борису Миронову, Адриану Селину. Они дали мне ценные советы и помогли избавиться от ряда ошибок.

Помимо помощи коллег, я хочу отметить поддержку, которую постоянно получаю со стороны своих близких — жены

* Внесен в реестр иностранных агентов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru